

И ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО

Послесловие к турниру музыкантов

Тамара
Грум-Гржимайло

Pro et contra

ВОТ УЖЕ полстолетия слышатся проклятия в адрес расплодившихся музыкальных конкурсов и верной спутницы их — «лауреатомании». Мы слышали их из уст Артура Шнабеля и Артура Рубинштейна, Генриха Нейгауза и Якова Флиера. Сама Маргарита Лонг, учредительница знаменитого конкурса в Париже, протестовала против «лихорадочного карьеризма», волны которого захлестывают учащуюся молодежь и создают «топящихся виртуозов».

Однако число конкурсов продолжает расти. Вот и Россия произвела на свет сразу два — имени Прокофьева и имени Рахманинова. И вновь нет недостатка в отрицаниях, выраженных устно, и письменно, и даже в форме свиста с галерки Большого зала консерватории...

После завершения конкурса я встретила с председателем жюри Виктором Мержановым и задала ему несколько вопросов:

— Сколько лет вы боролись за конкурс?

— Пятнадцать. Организация его стала главной целью моей жизни.

— Не секрет, что конкурс, едва родившись, уже обрел не только фанатичных поклонников, но и ярых противников. В частности, дискутируется сама идея его чистой монографичности...

— Я выдержал целую битву. Я насмерть стоял, чтобы сохранить эту монографичность. Должен же быть в нашей стране — в России многострадальной — хотя бы один монографический конкурс! Мне, например, конкурс Чайковского, с его стандартной программой, неинтересен совсем. Он уже себя изживает... А этот таит в себе заряд высочайшей духовности.

— Но некоторые известные зарубежные конкурсы от «чистой» монографичности отказались...

— А я знаю и другие примеры. Ведь чисто монографическими остались такие крупнейшие конкурсы, как имени Шопена, Листа, Бетховена, Баха... Вот только Шумановский от монографичности отступил — и только потерял... Я — противник стилистически пестрых программ, будь то программы концертов или конкурсов. Когда собирается в фокус одно направление, можно глубоко погрузиться в эту атмосферу. Сошлюсь на опыт высоко чтимого мной Славя Рихтера. Помните, был период, когда он играл только Шуберта? Он отключил телефон. Он сделал все, чтобы погрузиться в атмосферу XIX века

Внук композитора А. Рахманинов вручает победительнице конкурса Ольге Пушечниковой чек на 10 тысяч долларов.

Фото Валерия Киселева (НГ-фото).

всем существом. Он отлично понимал: чтобы вжиться в «шубертовскую» атмосферу, не надо какое-то время слушать ничего другого.

Наша страна имеет уникальную возможность: по очереди погружаться в рахманиновскую атмосферу, потом — в прокофьевскую, потом — в скрябинскую или в атмосферу Шостаковича... Я — против стандартов в конкурсных программах. В противном случае на первый план выходит идея спортивного соревнования.

— Конкурс Рахманинова закончен. В чем его положительный и отрицательный опыт?

— Я совершенно убежден, что финал нашего конкурса — событие. Это уровень, достойный имени Рахманинова. И заметьте: шестеро из восьми финалистов — лауреаты других конкурсов. Разумеется, это разные индивидуальности, но масштабность проявилась у всех. Не правда ли?

— Но очень странно, что у вас в дипломантах очутились самые зрелые и «великовозрастные» пианисты, чьи выступления в третьем туре отличались большими достоинствами, особенно игра Шкарупы. Как это могло произойти?

— Вы задаете мне сложный вопрос. Как вы знаете, мы следовали анонимной системе голосования, а компьютер считал всю сумму баллов за три тура. И вот наконец нам объявили эти восемь цифр, расположенных в порядке убывания, не называя никаких фамилий. Не было никаких об-

суждений, тем более — давления...

— А голосование?

— По традиции я обратился к жюри с одним-единственным вопросом: «Есть ли у нас первая премия?» (Потому что отсчет у нас может начинаться и со второй). Они задумались и потом все подняли руки, подтвердив единогласно: есть первая премия! И тогда член нашего оргкомитета Усанов объявил: первая премия — Ольга Пушечникова. Тут кое у кого вытянулось лицо, понимаете? А я был рад страшно. Вы совершенно правы: должно быть открытие конкурса, открытие самобытного таланта. И Ольга Пушечникова более всех подходит на эту роль.

— Безусловно. Это было очень свежее, экспрессивное и поразительно естественное прочтение Рахманинова... А что вы скажете о других победителях?

— Филиппов — очень талантливый человек. Он покорила меня своей искренностью, выразительностью, ненадуманной романтичностью. Вайнер — дарование громадное. Правда, у него пока еще нет нужного размаха. Но... чтобы так «разговаривать» на рояле, как это было во второй части концерта... Это прелесть просто. Главатских — большой виртуоз, но несколько односторонний. Его напор идет подчас в ущерб содержательности и естественности фразировки. Мне кажется, ему нужно обратить больше внимания на музыкальную сторону. Петрушенко мне очень понравилась во всех турах. Это музыкант высокого класса. Ее Четвертый концерт

— одна из вершин финала конкурса. Харада Хидею — моя ученица, очень хороший музыкант. Однако в финале она немного форсировала... Ботвинов мне очень понравился во втором туре и совсем не понравился в финале: было много надуманных, неестественных темпов. Шкарупу я знаю давно. Он очень вырос, и его Третий концерт в смысле продуманности и формы — это было здорово. Все же ему не хватает тонкости и артистизма...

— Каков же отрицательный опыт конкурса?

— Все-таки есть агрессивность в выражении эмоций, присутствующих в музыке Рахманинова. Я бы сказал: конкурсу предстоит бороться и дальше с этой ставшей почему-то привычной агрессивностью, в жертву которой приносится истинная красота. Примером положительным нам может служить сам Рахманинов, который не играл агрессивно никогда. И еще: организацию конкурса надо начинать значительно раньше, за полтора года. Нужно позаботиться также, чтобы программы его менялись, расширялись периодически, при том чтобы сохранялась монографичность, и камерный тур, и ритм конкурса, и система подсчета голосов. В целом же, я уверен, конкурс имени Рахманинова — большое творческое событие, которое войдет в историю музыкальной жизни России. И это только начало.

Независимая газета, 1993, 11 февр., с. 7.